

Кузьмина Мария Константиновна

Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV
– XVII вв.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

Андрей Михайлович Ранчин.

Официальные оппоненты:

Кириллин Владимир Михайлович,

доктор филологических наук, профессор,

Институт мировой литературы

им. А. М. Горького РАН,

ведущий научный сотрудник

Отдела древних славянских литератур

Дергачева Ирина Владимировна

доктор филологических наук, профессор,

Московский городской

психолого-педагогического университет,

декан факультета иностранных языков

Ведущая организация: Орловский государственный университет.

Защита состоится «25» февраля 2015 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.26 при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,

доцент

А. Б. Криницын

Общая характеристика работы

Объектом диссертационного исследования является древнерусская преподобническая агиография XV–XVII вв. В процессе работы к анализу привлекались тексты житий, опубликованных в научных изданиях. В тех случаях, когда доступными оказывались несколько редакций одного Жития (Житие Сергия Радонежского, Житие Герасима Болдинского, Житие Никандра Псковского, Житие Варлаама Хутынского), учитывались все доступные редакции. Преподобническая разновидность агиографического жанра была выбрана в качестве объекта нашего исследования, поскольку именно она является наиболее типичной в рамках древнерусского житийного канона: «более двух третей всех русских святых (общецерковно- и местночтимых), составляют преподобные»¹. Нами было проанализировано 65 агиографических памятников, в тексте которых выявлено более 2300 библейских цитат. Приведем пять наиболее интертекстуально насыщенных агиографических памятников в порядке убывания количества найденных в них цитат: Житие Сергия Радонежского. Пространная редакция. (372 цитаты) Житие Антония Сийского. (132 цитаты), Житие Анны Кашинской (129 цитат), Житие Дионисия Глушицкого (114 цитат), Житие Евфросина Псковского (112 цитат).

Предметом нашего исследования являются библейские цитаты из книг Ветхого и Нового Завета и их функции в рассматриваемых текстах. Осознавая неполноту и ограниченность исследования хронологическими и жанровыми рамками, мы тем не менее признаем достигнутый в процессе работы над темой диссертационного исследования результат одним из первых шагов на пути решения глобальной задачи построения систематического каталога библейских цитат в древнерусской агиографии и древнерусской литературе в целом. Вместе с тем мы утверждаем, что в составе найденных и проанализированных нами цитат есть как те цитаты, которые свойственны житию как жанру, – вне зависимости от его

¹ Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 431.

разновидностей (житие юродивого, святительского, княжеского или преподобническое житие), так и те цитаты, которые являются атрибутом исключительно преподобнической агиографии и призваны осмыслять подвиг именно преподобных, то есть тех «святых, подвиг которых заключался в монашестве»².

Таким образом, **главный предмет** нашего диссертационного исследования – цитаты, которые органично входили в состав преподобнического канона и являлись его составляющими элементами; это цитаты, вводившие в повествование основные мотивы монашеского подвига: мотив молитвы, поста, умерщвления плоти, мотив оставления мира и его ценностей, жизнь в монастыре после пострига, уход в пустыню и построение нового монастыря.

Целью и задачами данного исследования является, во-первых, обнаружение максимально полного перечня библейских цитат в составе рассматриваемых памятников древнерусской агиографии, исправление ошибок издателей в оформлении цитат, в том числе ошибок в определении инципитов, а также устранение ошибок в интерпретации и графическом оформлении текста, обусловленных тем, что та или иная цитата не была обнаружена. Не менее значимой, чем указанная текстологическая задача, является задача определения удельной роли цитат из конкретных библейских книг в составе древнерусских агиографических текстов и статистический учет всех выявленных цитат. Именно таким образом станет возможно безошибочно определить истинные интертекстуальные предпочтения древнерусских агиографов.

В связи с тем что в современной медиевистике остается неразработанной теория библейских цитат и исследователи обычно ограничиваются описанием интертекстуальной системы отдельных

² Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М. 1994.
http://azbyka.ru/tserkov/svyatye/zhivov_agiografia_1g7_all.shtml#005

памятников в составе главы монографии³, целью нашего исследования является попытка выработать критерии для классификации библейских цитат из в преподобнической агиографии.

Поскольку видов цитат (в том числе и библейских цитат в древнерусской агиографии) огромное количество и они полифункциональны, для современной медиевистики, с нашей точки зрения, наиболее важно определить критерии классификации и установить их относительную иерархию, а не описать все возможные виды цитат и таким образом составить точную ранжированную схему.

Не менее существенной задачей является выявление традиционного интертекстуального окружения цитаты – описание тех цитат, в синонимическом ряду с которыми употребляется рассматриваемая цитата, а также описание механизмов возникновения интертекстуальной синонимии. С этой целью мы вводим квадратные скобки, в которых указываем, какие цитаты реализованы в тексте до и после рассматриваемого фрагмента текста.

Каталогизации и классификации подлежат не только те цитаты, которые наделяются функцией приращения значения текста-реципиента, но и те стандартные канонические значения, парадигмы и мотивы, для передачи которых агиограф обращается к авторитету библейских цитат.

Еще одна концептуальная задача нашего диссертационного исследования — определение функциональной константы и амплитуды колебания функций каждой из рассматриваемых цитат.

В качестве отдельного вопроса, подлежащего нашему изучению, рассматривается вопрос связи образа преподобного с престольным образом основанного им монастыря. В числе механизмов, с помощью которых происходит утверждение этой связи, – внедрение в агиографическое повествование определенного набора библейских цитат. Одновременно

³ См., например: *Калугин В. В.* Библейские цитаты иреминисценции // *Житие Трифона Печенгского, просветителя саамов в России и Норвегии.* М., 2009. С. 485–491.

следует признать, что есть и другие средства выражения смыслов подобного рода.

Поскольку изучение истории переводов Библии на церковнославянский язык не входит в цели и задачи нашего исследования, нами была использована наиболее доступная церковнославянская редакция Библии – Елизаветинская. Отметим, что только дважды были выявлены значимые (затрудняющие идентификацию цитаты) разночтения между среднестатистической агиографической редакцией цитаты и редакцией используемого нами библейского текста – Иов 1:21, Исх 2:10.

Отдельной существенной задачей, стоящей перед исследователем библейских цитат в древнерусской литературе сегодня, является определение степени воздействия той или иной библейской книги на древнерусскую агиографию. Вплоть до наших дней эта тема привлекала внимание лишь тех медиевистов, которые занимались текстологическим изучением истории церковнославянских переводов Библии в Древней Руси и средневековой России. Однако означенная проблема подлежит и чисто литературоведческому исследованию и анализу. Цель такого анализа – установить, какие именно образы из той или иной библейской книги наиболее часто использовались в произведениях древнерусской словесности и почему. Отметим, что при ответе на этот вопрос становятся более прозрачными и некоторые аспекты истории переводов Библии, созданных в древнерусскую эпоху.

Актуальность и новизна нашего исследования определяется отсутствием до настоящего времени работ, призванных каталогизировать библейские цитаты на материале древнерусской литературы в целом, а также той или иной ее жанровой разновидности в частности. Работа призвана восполнить образовавшуюся в научном обиходе лакуну в классификации библейских цитат на материале литературы Древней Руси. В числе актуальных достижений работы – выявление и описание ряда цитат, до этого

не обнаруженных и не обозначенных при издании соответствующих памятников.

Методологическую основу исследования составляют работы Риккардо Пиккио⁴ и прежде всего выдвинутая им фундаментальная научная задача по составлению максимально полного систематического каталога библейских цитат литературы *Slavia orthodoxa*. «Если предпринять систематический сравнительный анализ библейских цитат, встречающихся во многих произведениях средневековой православной литературы от Балкан до территории Руси, можно было бы реконструировать библейский корпус, который постоянно использовался для передачи традиционных экзегетических сообщений»⁵, — замечает исследователь. Не меньшее влияние на методологию настоящего исследования оказали работы М. Гардзанити⁶, впервые составившего классификацию библейских цитат, а также работы И. Н. Данилевского⁷, открывшего феномен зашифрованных от сознания рядового читателя цитат, и А. М. Ранчина, определившего и сформулировавшего критерии разграничения цитат и топосов⁸.

Апробация работы проводилась на докладах международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012» (Москва, МГУ, 2012) и «Ломоносов-2013» (Москва, МГУ, 2013), а также на научной конференции «22-ые Макариевские чтения» на тему «Преподобный Сергей Радонежский и московская Русь» (Можайск, 2014). По материалам работы опубликовано пять статей в журналах, рекомендованных ВАК.

⁴ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. 431 — 466.

⁵ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. С. 450.

⁶ Гардзанити М. Библейские цитаты в литературе *Slavia Orthodoxa* // ТОДРЛ Т. LVIII СПб., 2007. С. 28-41. Он же. Хожение игумена Даниила // Литература и богословие на Руси XII в. // Славяноведение. 1995. №2.

⁷ Данилевский И. Н. Библизмы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 3. С. 75–103; Он же. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1; Он же. Древняя Русь глазами современников и потомков. М. 1998; Он же. Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.) М., 2000.

⁸ Ранчин А. М. Еще раз о библизмах в древнерусском летописании // Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007; Ранчин А. М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. № 3.

Структура работы: диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии.

Глава I. Типология и классификация библейских цитат в древнерусской агиографии

В процессе работы нами была проанализирована наиболее стандартизированная, каноническая часть древнеславянской письменности – древнерусская литература житий преподобных в период ее наибольшего расцвета, начиная со времени создания жития Сергия Радонежского и его многочисленных учеников вплоть до XVII века, признанного веком «трагедии русской святости».

Нами были выдвинуты критерии для классификации всей массы библейских цитат. Это: 1) количество реализаций, 2) наличие кроссконтекстуальных связей между цитируемым фрагментом текста-донора и текстом-реципиентом, 3) типичность в рамках агиографического канона мотива, реализуемого или комментируемого посредством цитаты. На основе этих критериев нами были выделены три основных варианта существования библейской цитаты в агиографической литературе Древней Руси – 1) цитата-топос, объединяющая частные реализации со схожим значением, 2) библеизм, отсылающий читателя не к конкретному месту библейского повествования, а к библейскому языку и стилю в целом, и 3) индивидуально-авторская цитата, оригинально сопологающая семантические валентности библейского и агиографического контекстов.

Предложена классификация (в качестве набора классификационных критериев), альтернативная единственной существующей на сегодняшний день классификации М. Гардзанити. Так, классификация, выдвигаемая Гардзанити, не является строгой и потому допускает множественность толкований одной и той же цитаты, тогда как критерии, выдвигаемые нами, однозначны и отчетливо разделяют все виды библейских цитат на те, которые соответствуют тому или иному критерию, и те, которые не соответствуют ему.

Научный вклад в изучение древнерусской интертекстуальности, сделанный И. Н. Данилевским, – прежде всего его учение о скрытых микроцитатах – был нами учтен и отразился в параграфе первой главы, описывающем феномен конспиративных библейских цитат.

Методология предпринятого нами анализа была основана на реализации принципа привлечения к рассмотрению как можно большего количества хронологически близких и типологически сходных текстов, в пределах которых происходит выявление, каталогизация и сопоставление цитат, то есть конструирование интеграла цитирования. Так, для того чтобы описать функциональный спектр реализаций цитаты, недостаточно ограничиться несколькими примерами, необходимо вовлечь в область своего анализа максимальное количество текстов (в идеале – все существующие), в противном же случае мы рискуем столкнуться – в лучшем – с промежуточным результатом, в худшем – с искажением реально существующей картины.

При том, что мы стремились в рамках предпринятого нами исследования максимально расширить предмет нашего анализа (65 наиболее распространенных в XV – XVII вв. преподобнических житий), тем не менее мы признаем результат нашего анализа промежуточным и подлежащим дополнению, доработке и уточнению. Однако полагаем, что наши выводы и достижения могут лечь в основу дальнейших исследований и во многом подготавливают их.

Анализ собранного материала в составе основных глав диссертации построен следующим образом: в первую очередь приводятся наиболее сильные цитаты-топосы в порядке убывания количества их реализаций: от сильнейших, многоядерных, до менее сильных. На основании анализа этих цитат делается вывод о тех сюжетных топосах (стереотипных ситуациях), которые традиционно вводятся в повествование с помощью цитат. Некоторые сюжетные топосы (и цитаты, выражающие их) восходят к различным библейским книгам (например, устройство монастыря, бесовские

искушения), однако некоторые стереотипные мотивы выражаются преимущественно с помощью цитат из Псалтири (уединенная молитва преподобного), Евангелия (поучение к братии), посланий апостолов (благословение братии в составе поучения или духовной грамоты).

Глава II. Функции ветхозаветных цитат

Две цитаты из книги Бытия реализуются в качестве сильных топосов (Быт 12:1, Быт 3:19).

Цитата-топос Быт 12:1 вводит в повествование традиционный агиографический мотив оставления преподобным родительского дома или монастыря, в котором он принял постриг, для реализации мотива агиографы обращаются традиционно к ряду других цитат других библейских книг. Цитата-топос Быт 3:19 вводит традиционный мотив возделывание преподобным примонастырского земельного участка. В отличие от Быт 12:1 цитата Быт 3:19 является единственной библейской отсылкой, вводящей в повествование указанный стереотипный мотив.

Значительная часть цитат книги Бытия вводит в повествование парадигму, связывающую образ преподобного с престольным праздником основанного им монастыря.

Ряд цитат из книги Бытия отсылает к эмблематичным персонажам ветхозаветной истории – Каину, патриарху Иакову, Иосифу Прекрасному. Одной из наиболее оригинальных цитат из книги Бытия и из книги Исхода является пророчество о семени жены, стирающем главу змия, как воплощение парадигмы *imitatio Mariae* и как значимое высказывание, концептуализирующее тему женского преподобия.

Поскольку пятикнижие Моисеево относится к так называемым историческим книгам библейского канона, большая часть цитат из этих книг (за исключением цитат из книги Бытия, которая интертекстуально воспринимается не как историческая, а как сакрально-мифологическая) реализуется в качестве аллюзий на события Священной истории, вводящие в агиографическое повествование парадигму «Русь – Новый Израиль».

Классическим примером реализации подобных аллюзий является вступление к Житию Мартиниана Белозерского, в котором преподобный Ферапонт сопоставляется с Моисеем, а сам Мартиниан – с Иисусом Навином. Так история русского народа, современного агиографу, осмысливается в качестве сакральной истории богоизбранного народа.

Ряд цитат реализуется в качестве индивидуально-авторских реминисценций и потенциальных топосов в составе одной – максимум двух реализаций, вводящих традиционные агиографические мотивы противостояния бесам, почитания родителей, аргументации написания жития и другие.

В составе цитат из книг царств реализуется наиболее сильный из всех найденных нами (в составе 46 реализаций) агиографический топос – 1 Цар 2: 30 (в виде формулы «славящая мя прославлю» и ее типологических разновидностей), чаще всего призванный глорифицировать святость как таковую. Еще один сильный агиографический топос, пронизывающий повествование большей части исследованных нами текстов, – 3 Цар 8: 22 – вводит мотив устройства храма и монастыря, осмысляя таким образом описываемое в житии событие как далекий отзвук строительства Иерусалимского храма царем Соломоном.

Тем не менее наиболее типичной разновидностью цитат из книг Царств является не топос, а аллюзия на события Священной истории, описываемые в них.

Цитата-топос, восходящая к стиху Иов 1:21, реализует в составе агиографического повествования четыре основных мотива: 1) троичности, 2) прихода на место основания монастыря, 3) перехода из одного монастыря в другой, 4) освящения церкви.

Отрывки из преподобнических паремий, читаемые во время праздничного богослужения преподобному, восходящие к нескольким главам книг Премудрости и Притч Соломоновых, призваны концептуализировать подвиг преподобия и традиционно реализуются в

составе Слова похвального или Похвалы. Следует отметить, что в этом случае перед нами непосредственная часть литургического интертекстуального наследия.

Цитаты из пророческих книг, как правило, реализуются в качестве несильных топосов в составе 5–7 реализаций. Традиционные мотивы, вводимые посредством этих топосов, – исцеления и чудеса, совершаемые по молитве преподобного, оставление преподобным дома родителей, освящение церкви. Отдельное место занимают космогонические цитаты из книги пророка Исайи.

Глава III. Функции цитат из Псалтири

Из всех книг библейского канона именно Псалтирь занимает, по нашим сведениям, первое место по частоте цитирования в текстах древнерусских житий: из более 2300 библейских цитат, обнаруженных нами в тексте исследованных житий, более 650 восходят именно к тексту Псалтири.

Нами было найдено 25 цитат-топосов из Псалтири в составе пяти и более реализаций. Наиболее распространенной цитатой является – Пс 1: 2-3 (26 реализаций), вводящая в повествование три основных стереотипных агиографических мотива: 1) мотив окормления преподобного у маститого духоносного старца, 2) мотив покаянных слез, омывающих грехи преподобного, как залог достижения духовного совершенства, 3) мотив изучения Священного Писания как залог личного благочестия и спасения души.

Особое значение имеют в древнерусской интертекстуальной системе так называемые «цитаты вселения» (54:8 и 131:14), комментирующие эпизод оставления преподобным родительского дома и вселения в монастырь пострига, а также оставление монастыря пострига и вселение в пустыню, на месте которой преподобному надлежит основать новый монастырь. Оба указанные мотива являются сюжетообразующими в составе преподобнического агиографического канона, что обуславливает их широкое

распространение и частое употребление цитат, инкорпорирующих эти мотивы в житийное повествование.

Указанные цитаты вселения, как и всякий языковой знак, входят в отношения асимметрического дуализма: с одной стороны, то же значение стремится быть выражено с помощью других цитат, как правило также из Псалтири (Пс 101:7 и некоторые другие)⁹, с другой стороны, сами цитаты могут вводить в повествование иные мотивы, например, мотив предсказания места своего захоронения (Пс 131:14).

Цитата-топос Пс 144:18-19, реализованная 21 раз, чаще всего вводит в повествование мотив основания преподобным нового монастыря, хотя, помимо указанной функции, в составе реализаций встречаются и гетерофункциональные цитаты. Отметим, что указанная цитата тяготеет к реализации в синонимической паре с 1 Цар 2: 30.

Использование цитат из Псалтири при создании других топосов подробно описано в диссертации.

Помимо указанных цитат-топосов, цитаты из Псалтири могут функционировать в качестве 1) библеизмов, не реализующих кроссконтекстуальные связи, 2) потенциальных топосов, реализованных однажды и комментирующих при выстраивании ясных, отчетливо реконструируемых кроссконтекстуальных связей тот или иной традиционный агиографический мотив, и 3) индивидуально-авторских цитат.

Библеизмы в свою очередь разделяются на 1) топические, реализующиеся в составе двух и более житий в качестве библеизма с определенным значением, 2) сингулярные, реализующиеся в качестве библеизма лишь однажды при наличии реализаций того же библейского речения в виде цитаты-топоса или индивидуально-авторской цитаты, и 3) идиобиблеизмы, реализованные лишь однажды одним агиографом в качестве библеизма.

⁹ Соответствующие цитаты описаны нами в параграфе «Обретение “места свята”».

В качестве топического библеизма реализуются цитаты Пс 32:1 и Пс 111:6 и некоторые другие. Отметим, что эти цитаты функционально сближаются с фрагментами, заимствованными из преподобнических паремий и, как правило, употребляются в одном синонимическом ряду с ними.

Нами было найдено также 36 сингулярных (по результатам нашего исследования) библеизмов, призванных прославлять святость протагонистов житий. И, наконец, оставшаяся часть библеизмов Псалтири – идиобиблеизмы. Идиобиблеизмы – структурные части «библейского идиолекта» в терминологии А. М. Ранчина – являются цитатами «в самом широком, нестрогом смысле слова – отсылая к Писанию / Ветхому Завету в целом, а не к какому-либо его фрагменту»¹⁰.

Тем не менее большая часть цитат Псалтири вводит в повествование традиционные стереотипные агиографические мотивы преподобнических житий. Наиболее последовательно комментируемый с помощью цитат из Псалтири агиографический мотив – мотив противостояния преподобного врагам – как телесным, во плоти, так и духовным, бесплотным. В качестве телесных врагов предстают в первую очередь разбойники, желающие обокрасть или убить преподобного, а также сжечь основанный им монастырь. Впрочем, в функционально близком разбойникам качестве выступают окрестные крестьяне, препятствующие закреплению преподобного на месте основания им монастыря. В качестве бесплотных врагов выступают бесы, нападающие на преподобного мысленно или наяву, «очевист».

Преимущественная апелляция агиографов к стихам Псалтири при реализации указанных мотивов обусловлена общей тональностью: ведь Псалтирь вплоть до XVIII века, по наблюдению Г. А. Гуковского, считалась книгой, «в ярких красках восточной поэзии рисовавшей тоску человека высокого духа, окруженного дурными людьми, негодующего на неправду,

¹⁰ Ранчин А. М. О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2012. №3. С. 28.

существующую в мире»¹¹. Преподобные, таким образом, являются в житиях теми самыми людьми высокого духа, окруженными дурными, противящимися воле Божией крестьянами.

Следующая функция цитат Псалтири – выражения напряженного молитвенного предстояния Господу, молитвенного воззвания *de profundis*. Поскольку молитва есть суть и основа сакрального подвига преподобных, а степень нравственного совершенства преподобного определяется чистотой и действенностью его молитвы, указанные цитаты являются важнейшими в составе преподобнического агиографического канона. При этом если другие мотивы (такие, как противостояние окрестным крестьянам, исцеления по молитве преподобного) могут быть выражены с помощью цитат из других библейских книг, то слова молитвы преподобного складываются преимущественно из стихов Псалтири. Есть все основания говорить о том, что цитата из иной библейской книги в составе молитвы преподобного является интертекстуальной маргиналией.

В составе молитвенных цитат из Псалтири нами были выявлены частные разновидности мотива – цитаты, призванные передать напряженную интенсивность молитвы преподобного, цитаты, постулирующие всецелую устремленность души преподобного к Богу, цитаты, вводящие в состав молитвы мотив глубокой убежденности преподобного в Божией помощи, а также некоторые другие.

Следующий мотив, комментируемый с помощью цитат из Псалтири, – мотив расширения монастыря. Как правило, указанный мотив является обязательным, непреложно реализующимся в составе преподобнического агиоканона: покинув монастырь пострига, преподобный поселяется в пустыне, куда некоторое время спустя собирается братия, привлекаемая славой о подвигах и добродетельной жизни преподобного. Как и всякий значимый мотив, мотив собирания братии и расширения монастыря обрастает многочисленными библейскими цитатами, среди которых не

¹¹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века [2-е изд.]. / Вступ. А. Л. Зорина. М., 1999. С. 104.

последнее место занимают цитаты из Псалтири. Например, Пс 132:1 «*Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе*» и ряд других.

Один из важнейших эпизодов преподобнического агиоканона – преставление – комментируется с помощью ряда цитат из Псалтири, которые призваны передать мотив измождения плоти преподобного от молитвенных и постнических аскетических трудов, мотив страха смерти, преодолеваемого силой веры преподобного, а также мотив осмысления смерти как перехода души из временной жизни в вечную. Отметим, однако, что предсмертное поучение преподобного к братии, равно как и предсмертная молитва-благословение, лишено реминисценций из Псалтири: время сосредоточенного молитвенного предстояния Богу завершено, преподобный обращается к новозаветной риторике, риторике любви и всепрощения.

Цитаты из Псалтири служат в том числе и в качестве аргументов, побуждающих к написанию Жития. Мотив аргументации труда агиографа является одним из типичнейших в составе агиоканона. При этом агиографы апеллируют как к книгам Нового Завета, так и к ветхозаветному наследию. В последнем случае мы будем иметь дело с цитатами из Псалтири. С их помощью агиограф молится к Господу о ниспослании ему дара слова, утверждает возможность и душеспасительность передачи сведений о жизни святого на письме, утверждает вовлеченность повествования о жизни преподобного в общую систему сакральных текстов церковного предания.

Часть цитат из Псалтири реализуется в качестве индивидуально-авторских, вводящих в повествование авторские мотивы и оригинально выстраивающих кроссконтекстуальные связи. Таков, например, мотив покаянной молитвы преподобного Филиппа Ирапского после искусительного помысла оставить монастыря пострига и переселиться в пустыню. Мотив оставления монастыря пострига – традиционный, более того – он будет реализован в составе Жития, однако несколько позднее; здесь же оставление монастыря пострига осмысляется как преждевременное,

как плод бесовского искушения и попытка демонов обольстить новонаначального инока. В соответствии с этой точкой зрения агиограф подбирает необходимые цитаты, искусно связывая семантические валентности агиографического и библейского контекстов.

Глава IV. Евангельские цитаты и их функции

Более семисот цитат среди найденных нами 2300 библейских цитат составили цитаты из Евангелий в соотношении 10 – 5 – 1 – 3 (Мф – Лк – Мк – Ин). При этом функции цитат из синоптических Евангелий ничем не отличаются от функций цитат Евангелия от Иоанна, а большая часть общих для синоптических Евангелий текстов восходит к редакции Евангелия от Матфея.

Наиболее часто реализуемая евангельская цитата – Мф 5: 14-15 «Вы есте свет мира, не может град укрытися, верху горы стоя, ниже вжигают светильника и ставят его под спудом, но на свещнице, да светит всем, иже в храме суть». Нами было найдено четыре ядра значений этого топоса в составе 42 реализаций: 1) собрание братии на месте пустынного подвига преподобного, 2) поставление преподобного во игумены, 3) возвращение на игуменство после временной отлучки, 4) обретение мощей преподобного.

Еще один сильнейших евангельский топос, отсылающий читателя к притче о талантах, реализуется, как правило, в качестве аргумента к написанию жития: если я откажусь от замысла описать жизнь подвижника, пишет, как правило, агиограф, я уподоблюсь злему и лукавому рабу, закопавшему данный ему от Господа талант в землю.

Цитата-топос Мф 11:28-30 «Приидите ко мне, вси труждающиеся и обремененнии...» вводит в повествование мотивы аскетической жизни в миру, отречения преподобного от мира, оставления дома родителей. Цитата, как и целый перечень иных евангельских цитат, может реализовываться в составе эпизода слушания Евангелия в церкви, становящегося стимулом для окончательного духовного разрыва с мирской прелестной жизнью. В целом

же цитата, входящая в состав евангельского чтения преподобным, призвана свыше концептуализировать молитвенный и аскетический подвиг преподобного.

Следует отметить, что евангельские цитаты, несущие в себе суть новозаветной проповеди, чаще всего реализуются в составе поучений преподобного к братии и своим духовным чадам. Крайне редко евангельские цитаты входят в состав молитвы преподобного. Реализации в составе поучений мы называем дидактическими.

Тематика поучений преподобных закономерно подвергается минимальной вариации. В качестве комментария к этому факту уместно привести слова Анны Ахматовой о недопустимости прямой речи в мемуарном жанре: «Самовольное введение прямой речи следует признать деянием уголовно наказуемым, потому что оно из мемуаров с легкостью переключивается в литературоведческие работы и биографии»¹². Агиографы, создавая свои, по определенному закону устроенные житийные мемуары, стремились избегать индивидуализированной прямой речи, заменяя речевую характеристику преподобного набором традиционных смыслов, соотносимых с теми или иными трафаретными с точки зрения агиографического канона обстоятельствами их произнесения. Таким образом, мотивы, звучащие в составе поучений преподобных, есть мотивы традиционные, передающие стереотипный набор значений, иными словами – дидактическая топка. Нами были выявлены эти стереотипные мотивы – мотив покаяния и смирения, мотив необходимости отречения от мира, мотив пагубности пьянственного питания, мотив любви как основы христианских добродетелей и некоторые другие.

Итак, наиболее характерной функцией евангельских цитат является реализация дидактической топки в составе поучений преподобных. При этом дидактическая топка реализуется как с помощью цитат-топосов, так и

¹² Ахматова А. А. Листки из дневника. Воспоминания об О. Э. Мандельштаме. URL: <http://www.akhmatova.org/proza/mandel.htm>

с помощью потенциальных топосов, обнаруженных нами в составе одной – двух реализаций.

Впрочем, дидактическая топка может быть реализована также в составе поучения игумена монастыря пострига или церковного иерарха, благословляющего преподобного на строительство монастыря или принятие сана игумена.

Типичным дидактическим топосом является цитата Мф 7:13-14 «Внидите узкими враты...». Словами этой цитаты преподобные традиционно укрепляют в иноческом подвиге собранную ими братию.

Нами были выявлены все основные цитаты-топосы, реализующиеся в качестве комментария к дидактической топике. Полагаем, что дальнейшие разыскания в этой области не приведут к существенному изменению выявленной картины.

На материале ряда цитат из Нагорной проповеди обнаружена интертекстуальная тенденция овеществлять метафорическую семантику библейских цитат, подчинять возвышенную богословскую риторику злободневной монастырской прагматике. Овеществление производится, как правило, с помощью соответственной адаптации высказывания. Так, цитата «алчущие и жаждущие правды» становится формулой глорификации аскетических подвигов монаха: «блаженни алчущие и жаждущие правды ради», то есть блаженны постящиеся для достижения праведности. Цитаты подобного рода мы называем буквализмами.

Однако функции евангельских цитат не ограничиваются комментированием дидактической топки и введением в повествование традиционных сюжетных топосов. Существеннейшая часть евангельских цитат призвана реализовать парадигму *imitatio*, искусно сопоставляя жизнь и деяния преподобного с жизнью и деяниями самого Христа, Иоанна Предтечи или апостолов, в случае же с женским преподобием речь идет о подражании Богородице, вводимом посредством ряда цитат из первых глав Евангелия от Луки.

Описывая рождение, детство, взросление, юность преподобного, агиограф использует повествовательные модели, с помощью которых евангелисты рассказывают о жизни Христа и его учеников. Особенно часто парадигма *imitatio* захватывает повествование о чудесах, совершаемых по молитве преподобного.

Ряд цитат сопоставляет то или иное агиографическое событие, ситуацию или поучение с евангельским прецедентом, при этом аналогии между отдельными персонажами оказываются не так важны для сознания агиографа, как важно постулирование самого сходства описываемых событий, утверждение того, что перед нами эхо, отзвук того сакрального события жизни Христа, которое вошло в состав канонического текста Четвероевангелия. Цитаты подобного рода мы решили называть цитатами, реализующими парадигму *imitatio chronotopi sancti*.

Часть сюжетных топосов – аргумент к написанию жития, оставление родительского дома или монастыря пострига, противостояние бесовским искушениям, устройство монастыря и некоторые другие – вводятся в повествование в том числе и с помощью евангельских цитат. Однако в отличие от цитат из Псалтири или Пятикнижия Моисеева, вводящих те же мотивы, евангельские цитаты в абсолютном большинстве случаев так или иначе атрибутируются.

Таким образом, неатрибутируемая реализация евангельских цитат вводит канонообразующую парадигму *imitatio*, являющую собой высшую ступень обожествления протагониста жития, в остальных же случаях мы имеем дело либо с дидактической топикой (что, в общем, также является разновидностью реализации парадигмы *imitatio*), либо с артибутируемыми цитатами, комментирующими сюжетные топосы. Авторитет евангельских цитат, воспринимаемых как прямая непосредственная речь Бога к человеку, настолько велик, что агиографы считают себя обязанными указывать на источник цитируемого фрагмента.

Еще одним следствием высокого авторитета евангельских цитат представляется явление асемантического цитирования, продуктом которого стали парадоксальные цитаты. Устройство подобных цитат таково: фрагмент житийного текста на уровне выражения отсылает читателя к тому или иному библейскому фрагменту, однако выстраивание кроссконтекстуальных связей оказывается невозможным: возникающие смыслы явственно противоречат логике житийного повествования, характеризуя протагониста и положительных персонажей жития как отрицательных персонажей библейского повествования или же продуцируя иного рода существенные деформации смыслов текста-донора. При этом евангельский фрагмент, как правило, подвергаясь адаптации к замыслам агиографа, явственно сохраняет способность отсылать читателя к точному фрагменту евангельского повествования. Цитата прочитывается как отсылка к евангельскому контексту, реализуемая с сильным семантическим кроссконтекстуальным сдвигом.

Мы решили называть цитаты подобного рода асемантическими в силу того, что указанный семантический сдвиг нефункционален. Перед нами никоим образом не скрытая цитата, вводящая в агиографическое повествование набор тайных, зашифрованных от среднестатистического читателя смыслов. Перед нами сознательно допускаемый сдвиг, элемент интертекстуальной «игры» агиографа.

При этом асемантическим, нефункциональным является прямое соположение контекстов, тогда как некоторые элементы сходства широкого контекста, несомненно, являются прямым и обязательным основанием для введения в повествование рассматриваемой цитаты. Таким образом, с точки зрения широкого контекста, асемантические цитаты представляются вовсе не асемантическими, а вполне традиционными, однако обнаружение сходства широких контекстов связано с более внимательным проникновением в смысл цитируемого фрагмента, выстраиванием ряда сложных логических цепочек, и потому мы признаем определение

«асемантические» вполне допустимым с указанными оговорками. Следует отметить, что большая часть асемантических цитат, найденных нами, восходит к перу первого агиографа Сергия Радонежского – Епифания Премудрого.

Отметим, что цитаты схожего устройства с широким семантическим сдвигом встречаются и среди неевангельских цитат, однако, в силу того что авторитет евангельского слова неизмеримо выше авторитета других книг библейского канона, «эпатирующий» читателя жития эффект искажения сакрального смысла либо вообще не возникает, либо оказывается значительно смягчен. Вот почему асемантическими цитатами мы называем преимущественно цитаты евангельские.

Глава V. Функции цитат из книги Деяний апостолов

Цитаты из книги апостольских Деяний в целом мало чем отличаются от ветхозаветных цитат и цитат из Псалтири. Нами был выявлен ряд цитат-топосов, а также ряд сюжетных топосов, для комментирования которых агиографы обращаются к авторитету книги Деяний. В целом за немногими исключениями (прежде всего Деян 14:22 *«Многими скорбьми подобает нам внити в царствие божие»*) для цитат книги Деяний не характерна реализация в позиции дидактической топики: сюжет книги – события, сопутствовавшие распространению христианства в первые годы после вознесения Христа на небеса, – дает минимальные основания для реализации дидактических цитат. Специфической разновидности реализации парадигмы *imitatio* служит ряд цитат, последовательно сопоставляющих протагонистов житий с первомучеником Стефаном.

Глава VI. Функции цитат из посланий апостолов

Нами было выявлено более пятисот цитат из апостольских посланий. Наиболее часто агиографы апеллируют к цитатам из посланий апостола Павла к ефесеянам (78 цитат, найденных нами) и первого послания к коринфянам (75 цитат). При это около половины всех найденных нами цитат входят в состав цитат-топосов, из которых наиболее сильные – 1 Кор 2: 9

«Но якоже есть писано: ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его» в составе 27 реализаций, Еф 5:19 «Глаголюще себе во псалмех и пениих и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви» в составе 24 реализаций.

Среди цитат из апостольских посланий нередко буквализмы, при реализации которых выпренность неудобопонятная для рядового читателя богословская риторика оригинала существенно овеществляется, упрощается, приспособляется к агиографической потребности дня, привязывается к тому или иному сюжетному топосу.

Классическим примером подобного рода тривиальной в рамках цитат из апостольских посланий деформации является цитата 1 Кор 8:8 «брашно не предпоставит нас пред Богом», при реализации которой сложная богословски заостренная полемика апостола Павла полностью выхолащивается, в результате чего цитата становится аргументом юного подвижника в споре с родителями за сохранение строго поста.

В целом семантика реализаций цитат из апостольских посланий гораздо в большей степени определяется традицией агиографического канона, нежели семантикой новозаветного контекста. При том, что влияние агиографического канона сказывается в рамках реализаций цитат-топосов из всех библейских книг, при цитировании апостольских посланий оно оказывается неизмеримо существеннее: сложности, возникающие в процессе толкования текста апостольских посланий, написанных гораздо более витиеватым языком, нежели Евангелия и Деяния апостолов, решаются, как правило, посредством обращения к авторитету традиции агиографического канона.

Для цитат из апостольских посланий равно характерны реализации в рамках дидактической и событийной топики. Такие цитаты как комментируют те или иные события в жизни преподобных и их поступки, так и входят в состав поучений преподобного к братии.

Темы поучений, вводимых посредством цитат из апостольских посланий, несколько отличаются от тем поучений, вводимых евангельскими цитатами. Так, преимущественно с помощью цитат из посланий выстраивается в агиографическом повествовании образ идеального духовника и игумена монастыря, вводится мотив необходимости послушания, послушания как одной из главных иноческих добродетелей, мотив необходимости борьбы с блудной страстью.

Большая часть сюжетных топосов, описанных нами на материале цитат из Псалтири и Евангелий (аргумент к написанию жития, борьба с крестьянами, принятие игуменства и т. д.), комментируется также с помощью обращения агиографа к авторитету слов апостолов. Наконец, сюжетным топосом, реализуемым исключительно посредством обращения агиографа к цитатам из апостольских посланий, является благословение преподобным братии в составе письменного послания или духовной грамоты.

Цитаты, восходящие к Откровению Иоанна Богослова, найденные нами, немногочисленны. Речь идет об одном топосе – Откр 10:1 – и нескольких цитатах, как правило, в составе одной–двух реализаций. Так, посредством цитат из Апокалипсиса вводят в повествование Жития Евфросинии Суздальской эсхатологические мотивы.

Наконец, отдельно следует упомянуть историософские цитаты, обнаруженные нами в случаях цитирования почти всех библейских книг. Реминисценции этого рода занимают промежуточное место между индивидуально-авторскими цитатами, с одной стороны, и событийной топикой, с другой стороны. Значения, вводимые в повествование посредством этих цитат, в целом поддаются каталогизации: осмысление Руси как наследницы Византии, Русь как Новый Израиль, Москва как Третий Рим, русский народ как народ богоносец, монастырь, основанный преподобным, как Новый Иерусалим, новая Святая Земля и некоторые другие смыслы. Однако механизм внедрения в повествование этих смыслов

каждый раз неповторим, непредсказуем и индивидуален. Отдельно следует упомянуть историософские цитаты в составе Пространной редакции Жития Сергия Радонежского, атрибутируемой Епифанию Премудрому, в которой дается оценка роли Троицкого монастыря в формировании единого русского государства, оценка политики московских князей и описывается позиция агиографа в отношении к сложившейся историко-политической конъюнктуре.

Без преувеличения можно сказать, что изучение функций библейских цитат в агиографической литературе Древней Руси есть аналоговое изучение древнерусского агиографического канона, поскольку, с одной стороны, нет тех цитат, которые не использовались бы для реализации и комментирования того или иного стереотипного мотива, с другой стороны, нет такого мотива, для комментирования которого не использовался бы целый спектр библейских цитат.

«Мы наивно исходим из того, что по авторской воле ее (цитаты. — М.К.) может не быть, а цитата — это то, чего не может не быть (необходимость, неотвратимость цитаты в литературе есть вернейшее свидетельство абсолютной свободы самого литературного бытия)»,¹³ — утверждает один из современных исследователей-литературоведов.

Следует отметить, что полнота всякого анализа библейских цитат, напрямую соотносится с соответственной компетентностью исследователя: чем лучше исследователь знает Библию, чем более он знаком с литургическими текстами, тем вернее и точнее он выявит в текстах исследуемых древнерусских памятников все инкрустированные в них библейские цитаты. Наш анализ показал, что (за редчайшими исключениями) библейский текст в древнерусских житиях не только узнаваем для современного читателя и слушателя церковнославянской Библии, он почти тот же. Гораздо более, нежели язык, изменился уровень осведомленности

¹³ Амелин Г. Лекции по философии литературы / Ред. В. Я. Мордере, С. Б. Феддер. М., 2005. С. 351-352.

потенциального читателя Жития, его интертекстуальные перцептивные умения и навыки. В указанной закономерности мы вынуждены были на практике убедиться, работая с современными изданиями агиографических текстов.

При том, что нами были выявлены множественные цитаты, ранее не указанные издателями, мы вынуждены констатировать тот факт, что многие из реализованных библейских цитат остались вне сферы нашего внимания вследствие их необнаружения. Так, во многом, может быть, в силу относительно поверхностного знакомства с текстом Песни Песней нами не было выявлено ни одной цитаты из этой библейской книги.

Наш опыт показывает, что библейские цитаты в составе литературы Древней Руси могут существовать инкогнито в течение долгих столетий, вот почему многие интертекстуальные загадки древнерусской агиографии еще предстоит разгадать и описать.

Основные положения диссертационного исследования изложены автором в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК РФ:

1. О смысле скрытых цитат в древнерусской агиографии // Мир русского слова. 2014. № 2. с. 61–65.
2. Библейские цитаты-топосы в древнерусской литературе житий святых // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2. С. 8–17.
3. К вопросу об изображении смерти в древнерусской интертекстуальной системе // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 234–237.
4. Еще раз о библейской формуле «яко сосуд избран» в древнерусской агиографии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4. С. 86–95.

5. Функции перекрестных библейских цитат в Житии Сергия Радонежского (на материале цитат из Псалтири) //Вестник славянских культур. 2014. № 4. С. 160–167.